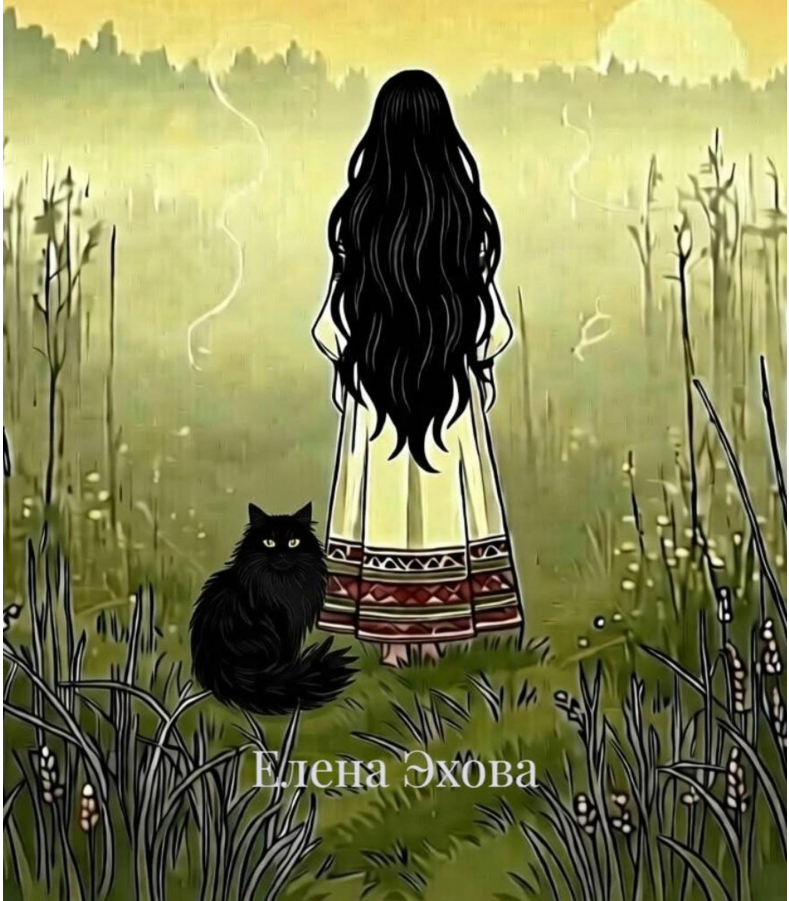
Знахарка



Елена Эхова

Елена Эхова

Знахарка

Серия «Тёмные сказки», книга 2

https://litres.ru/73903526
SelfPub; 2026

Аннотация

У леса тёмного, на краю болота туманного живёт Синеока. Глаза у неё — небо в ясный день, кровь — княжеская, древняя. Лечит она травами, с духами леса ладит. А когда беда на деревню наползает, видит Синеока нити колдовства да жизни.

Была княжной, да без короны. Воспитала её знахарка старая. Теперь пришло время: пора Синеоке показать, что добро и мудрость сильнее всякой тьмы, и спасти тех, кто отверг её когда-то.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 36
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Елена Эхова
Знахарка

Глава 1

Дрогнуло пламя свечи, забилось, словно в припадке, оживило на полу и стенах бледные тени. Извивались тени, вытягивались в нитку, силились дотянуться до чего-то незримого. Сгустился воздух, наполнился запахом воска да едва уловимой горечью ладана, что тлел в глиняном кадильце в углу.

Дрогнуло вновь пламя, погасло на миг, погрузило во мрак горницу. Задрожали тени, заскользили по бревенчатым стенам. Казалось, больше не подчинялись они свету, а ждали, когда потухнет свеча, чтобы заполнить освещённые прорехи.

- Не к добру, - прошептал слуга, сотворил знак от сглаза и нечисти, сплюнул через плечо.

Сидел уставший князь, опершись о дубовый стол и положив в ладони голову; поднял взгляд, едва услышал сказанное. Мелькнула в глазах его затаённая тревога. Резкие морщины прорезались на худом его бледном лице, очертили тени, что легли под ясными глазами, в которых ещё читалась былая удаль.

- Не каркай, - тихо, но твёрдо сказал он слуге. На единый миг дрогнул его голос, и князь поспешно провёл ладонью по

бороде, словно отгоняя дурные мысли.

Переступил с ноги на ногу слуга, принялся собирать со стола посуду да остатки утренней трапезы. Забренчали миски, заскребли по дереву ложки, глухо стукнулась о столешницу глиняная кружка.

- Оставь. После уберёшь. Когда закончится всё, - поднял князь руку. Дрожали пальцы его. Сжал он их поспешно в кулак да положил руку на стол.

Замер слуга, вздохнул, поправил на шее шнурок с оберегом от колдовства и зла всякого. Переставил миски, молвил:

- Не тревожься, княже. Моя баба одного за другим четверых принесла. Родила и вновь за работу. Утром печь истопила, меня проводила; а вечером возвращаюсь — в зыбке младенчик кричит, моей рубахой обвитый. А баба моя снова у печи хлопочет, старшенькие за подол цепляются. Ладно всё будет, а ты спать лучше иди; утром встанешь и княгиню с младенцем поприветствуешь. Чего сидеть тут да думы разные думать? Бабы они, как кошки.

- Кошки, говоришь… Прячутся кошки, беду учуяв. А мне нельзя прятаться, - скользнула в глазах князя горькая усмешка. - Сильна моя княгиня, подстать мне, и дитя сильным будет. Не оскуднеет кровь рода.

Хотел было что-то сказать слуга, да поднял руку князь, останавливая его. Тягостная тишина воцарилась в горнице, нарушаемая треском свечей да далёким воем собаки — то ли на луну, то ли чуя недоброе. Шевелились на стенах тени,

точно прислушивались к разговору, сплетались в неведомые знаки.

Вгляделся в пляшущее пламя князь. То вытягивалось оно вверх, пытаясь дотянуться до потемневшего потолка, то припадало к фитилю, будто собираясь угаснуть навечно. На миг почудилось князю, что спускаются со стен тени, сходятся вокруг него, шепчут слова непонятные. Различил он воина молодого, старуху с распущенными волосами. Моргнул князь. Исчезло наваждение.

- Как закончится всё, позови жрецов богов светлых. Пускай прочтут обережный заговор.

Молча поклонился слуга. Устремил князь вновь взгляд свой на пламя.

Следил князь за пляской пламени и вспыхивали в памяти воспоминания давние: убитая горем мать, упавшая на колени пред телом своего мёртвого сына. Видел он её согбенную, со спутанными волосами, падавшими на залитое слезами лицо, гладившую холодный лоб сына своими дрожавшими руками. Слышал её рыдания тяжёлые, что казалось, сама земля содрогается под ними. Вспомнил слова, сказанные ею пред самой смертью. И смех, что прозвучал в ответ на слова её. Что если и впрямь исполнила она сказанное? Вложила всю силу в слова свои?

Зим много прошло с дня того. Не вспомнить уж явственно. Только обрывки, съедаемые туманом прошлого.

- Всё перемешалось, - задыхаясь прошептал князь.

Голосами разными наполнилась тишина гнетущая, окружили тени тёмные, обратились людьми давно умершими.

Замер князь, не в силах пошевелиться, руками закрыл лицо. Танцевали тени пред внутренним взором, перебивали друг друга голоса…

- Не отпускают, - прошептал князь. - Не дам я им власти над собой, над родом моим!

Дрогнуло пламя, разгорелось ярче, озарило горницу золотистым светом. Отступили тени, исчезли в углах.

Опустил князь руки, поднял взгляд на пламя. Горело оно ровно, разгоняя сумрак, отбрасывая дрожащие блики.

Сотряс землю раскат грома. Задребезжали миски на столе. Плетью хлестнула молния, ярко осветив на миг горницу.

Прошептал слуга слова обережные.

- Разыгрались боги, - молвил он. - Хороший урожай жди после грозы сильной. И дитя сильное родится. Крепка духом и телом княгиня, кровь древняя течёт в ней…

Не договорил слуга; раздался в горнице рядом плач младенческий — звонкий, сильный, словно первый луч солнца после студёной зимней ночи.

Замер князь, не веря. Прорывался сквозь грозу и отголоски прошлого, напоенный жизнью плач. Осветил он мрак, рассеял тени, заставил утихнуть голоса, терзавшие разум. Прислушался князь к крику жизни новой.

- Родила, - прошептал он, засияли глаза его, как в юности.

- Родила, - вторил ему слуга и вытер рукавом глаза. -

Сын, должно быть. Вон крик какой сильный. Здоровый будет, крепкий, воином славным станет.

Подскочил со своего места князь, опрометью бросился в горницу. Распахнул дверь, замер на пороге.

Бушевала за закрытыми ставнями гроза. Выл ветер. Дрожащее пламя свечей отбрасывало рваные тени на стены, увешанные оберегами и пучками трав.

Споро убирали служанки окровавленные тряпки, бадейки с водой, шептались, украдкой утирали радостные слёзы.

Склонилась над новорожденным повитуха. Выбились из-под косынки волосы, читалась тревога на морщинистом лице.

На высоких подушках лежала княгиня, укрытая — не смотря на жару — пуховым тёплым одеялом. Бледное лицо её было измождено, со слезами на глазах прошептала она что-то одними только губами.

Опомнился, застывший в пороге князь, широким шагом подошёл к кровати, опустился на колени. Взял тонкую бледную руку княгини в свои ладони. Слабо сжала она его пальцы в ответ.

- Жива, - промолвил он.

- Дочь, - чуть слышно молвила княгиня. Одинокая слеза скатилась по её бледной щеке, оставив влажный след. - Не сын…

- Боги милостивы, в следующий раз сына родишь, - ответил князь.

Пристально осматривала повитуха новорожденную, ощупывала ручки, ножки, заглядывала в личико. Тень ужаса мелькнула на её лице.

- Подойди князь, да поприветствуй дитя своё, - позвала повитуха.

Отпустил князь руку своей драгоценной супруги, хмурясь подошёл к повитухе. Взглянул на новорожденную да застыл на месте. Вспомнились предания о детях, рождённых в грозу, кому уготована судьба особая.

- Не к добру пришло в мир это дитя! Не богами послано оно! - взревел князь, отшатываясь. - Взор её… Не людской!

Охнула, упала замертво на подушки княгиня. Захлопотали служанки.

- Что молвишь ты, князь? Всякое дитя — богов светлых дар, - промолвила повитуха, крепче прижимая к груди новорожденную. - Жизнь в дом вошла, продолжился род твой.

- Бесовское то отродье! Ведьминское! - задыхался от ярости князь. Лицо его исказилось пред страхом неведомым. - Отнеси в лес подальше. Не место ему в тереме моём!

- Покарают нас боги за такое деяние, - отступила на шаг повитуха.

Застонала, открывая глаза, княгиня.

- Не смей, прошептала она, протягивая руку. - Это дочь моя… Кровь моя…

Словно не слышал князь. Ярость затмила разум.

- Отдай старухе бездетной на воспитание в деревню

глухую, - звякнул тощий кошель, упав к ногам повитухи. - Пусть растит вдали от людей.

- Не возьму платы за деяние твоё недоброе, - покачала головой повитуха. - Не бывает детей, не от богов светлых. Всякое дитя — испытание. Может она — знак, что роду твоему пора измениться.

- Ступай прочь! - рявкнул князь.

Склонила голову повитуха, бережно укутала младенца в пелёнку, вышитую обережными знаками. Закрыла глаза княгиня, скатилась слеза по бледной щеке её.

Тихо лежало в руках повитухи крепко спелёнутое дитя.

- Рождённый в такую грозу сам будет ей подобен, - тихо молвила повитуха, покачивая младенца. - Не раз замечала за жизнь свою: кто в бурю на свет явится будет тот духом крепок да неукротим. Отнесу тебя сестре своей на воспитание в деревню, что за лесом тёмным стоит. Укрою тебя там от невзгод.

Осторожно качала она новорожденную, едва слышно напевая старинную колыбельную, что слышала ещё от бабки своей, а та — от своей. Ровно звучал голос повитухи, убаюкивая младенца.

Улыбнулась повитуха, скользнул её взгляд к окну: реже сверкали молнии, отдалялись раскаты грома.

- Вишь, утихает, - прошептала она. - Всё у тебя будет. Коли уж явилась ты в грозу, значит для чего-то великого.

Тише стало в горнице. Отступала гроза.

Притаившееся под кроватью чудище тронуло когтистой лапой комок пыли. Малым облаком взметнулась пыль. Чихнуло чудище едва слышно да недовольно.

Истаивала летняя светлая ночь, новый день занимался, а хозяйка так и не вернулась. Ковырнуло чудище когтём пол, оставив на старых потемневших досках царапину. Тоскливо. И пыльно.

Хлопнула тяжёлая дверь в избу, отворилась и закрылась дверь в горицу. Послышался мягкий топот босых ног. Скрипнула кровать.

Высунулось из-под кровати чудище.

Сидела хозяйка на кровати, обхватив колени руками, смотрела в распахнутое окно, за которым катилось вверх по небу солнце.

- Ах, ты тут, - прошептала она, протянула руку и погладила макушку чудища. - У старосты корова занемогла…

Замурлыкало, словно кошка, чудище. Провела хозяйка рукой по спутанной шерсти.

Шевелил ветер листья за окном, заставлял их шептаться между собой. Где-то вдалеке запел петух, ему тут же ответил другой. Рассеивался тман над деревней, открывая крыши домов, огороды, тропинку, ведущую к болоту да к лесу. Ясным обещал быть день.

Глава 2

Громкий стук в дверь прервал приятный сон. Стучал гость незванный непрерывно, с нетерпением. Затихал на миг стук, словно стучавший потирал отбитый кулак, а затем возобновлялся с новой силой.

- Отвори! - плачущий детский голос заставил ведьму поморщиться. Беда большая, видать, стряслась, коль не прибежал на край деревни, где избушка её стояла, подальше от глаз чужих да пересудов.

Неохотно спустила ноги на пол ведьма, пригладила выбившиеся из косы волосы, поправила рубаху льняную. Высунулась из-под кровати когтистая лапа, недовольно заворчало чудище, что жило у ведьмы.

Прекратился стук, видать, гость потерял надежду всякую. Послышались под окошком приглушённые рыдания, перемежающиеся всхлипами да шмыганьем.

- Иду, - отпихнула легонько ведьма ногой лапу, высунувшуюся из-под кровати. - Да уймись ты. Вишь, беда какая случилась, - молвила чудищу.

Отворила она ставни, посмотрела вниз и увидала скорчившегося мальчишку, размазывавшего слёзы по чумазому лицу. Зияла прорехами ветхая одежонка, застряли сухие ветки и листья в волосах нечёсаных, сочилась кровью царапина на босой ноге.

- Нечего сырость разводить, - молвила ведьма. - Что стряслось? Говори толком.

Остановил на миг окрик поток горьких слёз. Поднялся мальчишка, утёр лицо, сильнее размазывая грязь. Всхлипнул.

- Мамка… - хлынули слёзы с новой силой. Вздрагивали от рыданий худенькие плечи. - Дома...гниль горячечная съёдает её… Дышит тяжко… Лицо огнём горит… Вчера ещё хлебы месила, а ныне уж встать не может.

Опёрлась о подоконник ведьма, разглядывая мальчишку.

- Соседка сказала, чтобы к ведьме шёл на край деревни… Мол, она, может, и без платы поможет, - шмыгнул носом мальчишка. - Сироты мы. Тятька лес сплавлять по весне ушёл, теперича к осени вернётся. Коли беда какая не приключится...

- Без платы поможет, - тихо промолвила ведьма. Заворчало чудище.

- Я заплачу. Помогать стану... работать и до последней монетки всё отдам, - выпрямился мальчишка.

- А мамке кто помогать станет?

- Тятя и брат меньшой. Мама… - снова пустился в плач мальчишка.

- Жди у крыльца, - ведьма отпихнула лапу чудища и закрыла ставни. - Слезами горю не поможешь.

Мальчишка ковырял в носу и с интересом глазел на затейливые узоры, вырезанные на доске над дверью. Обережные

знаки, цветы, птицы. Высохли слёзы, оставив светлые полосы на потемневшем от пыли лице, испещрённом веснушками, как небо зимнее — звёздами.

Вышла ведьма, притворила дверь. Скрипнула та, точно старая береста под сапогом.

- Показывай дорогу, - велела ведьма.

- А замок? - шёпотом спросил мальчишка.

- Ты полезешь в дом ведьмы?

Покрутил головой мальчишка, почесал затылок, на котором вихор торчал, будто пучок осоки.

- Я не полезу, а другие увидят, что дверь не заперта да зайдут поживиться добром ведьминым.

- В избе тёмное чудище живёт. Оно их съест. Веди иль помощь уже не нужна.

- Нужна! Там мамка с младшим братом одни. Быстрее!

Повёл мальчишка ведьму не дорогой прямой, а тропками, только ему ведомыми. Через огороды, где на грядках кудрявилась капуста, между плетнями, сплетёнными из ивовых прутьев, вдоль ручья, чьи воды звонко перекатывались через камешки, сквозь колючие кусты малины, что цеплялись за рубаху. Шла следом ведьма, не отставала, лишь поправляла сумку, что висела на плече её.

Скоро пришли они к избе у яблоневого сада. Склонялись почти до земли ветви старых яблонь, увешанные зелёными яблоками.

- Дед мой сажал, тятя сказывал, - с гордостью молвил

мальчишка, указывая на деревья. - По осени яблок натаскаю на варенье и на сушку. Мамка такие пироги печёт…

Молча кивнула ведьма, разглядывая двор. Потемневшая лавка у крыльца дубовая, с резными ножками, на верёвке между толстыми столбами — бельё аккуратно залатанное. Корзина плетёная из лозы, рядом — старый берестяной туесок с трещиной по боку. В углу двора, под раскидистой рябиной, стоял большой деревянный ушат с дождевой водой. Плавали в воде веточки и гроздья рябины — то ли ветром сорвало, то ли от нечисти всякой.

Рыжий кот, лениво облизывавший лапу на крыльце, завидел гостью, насторожился, выгнул спину, заворчал глухо.

Склонила ведьма голову, прищурилась. Опустил кот хвост, прикрыл глаза, потянулся да замурлыкал громко. Подошёл неторопясь к ведьме, потёрся о её сарафан и улёгся на солнце, свернувшись клубком.

- Веди внутрь, - молвила ведьма.

Толкнул мальчишка деревенную дверь. Застонали протяжно петли, смазанные когда-то салом. С тяжёлым вздохом приоткрылась дверь.

Душно было в избе. Смрадно. Пропитался воздух квасом в старом жбане у печи, перекисшим тестом, сушёными травами, пучками, подвешенными по стенам. Жужжали под потолком мухи.

Стоял посреди стол из толстых досок, испещрена была столешница царапинами от ножа; у окна — прялка с остат-

ками льняной кудели на веретене. Лежали под лавкой поношенные лапти из липового лыка, примостился рядом валенок с протёртой подошвой, из которой выглядывала солома.

Покрылась копотью, побелённая когда-то печь, стояли на полу два чугунных горшка — один побольше для щей, другой поменьше для каши.

Сидел на лавке, поджав босые ноги и мусоля ломоть хлеба, маленький мальчишка. Полны слёз были покрасневшие от горести глаза. Старательно раскачивал мальчишка зыбку, висевшую на вбитом в потолок крюке. Едва слышно поскрипывала, зыбка; тихо посапывал в ней спелёнутый младенец.

- Мамка родила недавно и захворала. Нынче вовсе не встаёт, так и лежит.

Обошла ведьма горницу, провела пальцем по столу, по полкам с посудой. Открыла заслонку, заглянула в остывшую печь, где ещё вчера пахло ржаным хлебом да пареной репой; посмотрела на младенца и пошла к закутку за печью, где на широкой лавке, укрытая тулупом лежала больная мать.

Затеплив принесённый с собой огарок свечи, внимательно осмотрела ведьма захворавшую. Бледным было заострившееся от болезни лицо, спутались пряди русых волос, выбились из-под платка. Закрыты были глаза, плотно сжаты губы, словно испытывала лежавшая боль, которую не желала показывать детям. Прерывистым, едва слышным было дыхание.

- Мамка! - упал на колени перед лавкой провожатый мальчишка, крепко сжал тонкую руку с синеватыми ногтями. - Я

ведьму привёл. Она тебя вылечит.

Тихий стон сорвался с белёсых губ, словно ненароком сын причинил ей боль.

- Отпусти, - ведьма легко высвободила руку матери из ладоней сына и отстранила его. - Не тронь её; видишь, ослабла мамка твоя, а в тебе сил немерено.

- Вырасту, стану, как Иван-царевич. Пойду по землям людским странствовать, людям простым помогать да тварей страшных, что жить спокойно не дают, истреблять, - на миг отвлёкся-забылся мальчишка, и глаза его загорелись, точно вспыхнули в них искорки от пламени свечи.

- И я с тобой! - крикнул младший со своего места на лавке, вскакивая и размахивая хлебной коркой.

- А мамке с тятькой помогать кто станет? - шутливо и грозно спросила ведьма.

- Меньшой, - рука с зажатым в ней ломтём хлеба указала на раскачивающуюся зыбку.

- Как звать тебя? - спросила ведьма старшего.

- Я Ждан, а брат Желан. Меньшому мамка пока не дала имени.

Задумалась ведьма.

- Не приходил ли кто чужой к вам днём иль ночью? - спросила она. Пронзительным стал её взгляд.

Крепко задумались братья. Поскрёб Ждан макушку, припоминая. Не приходило ничего на ум. Положил Желан в рот хлебную корку, вздохнул, отёр пальцы о рубаху, и вдруг

встрепенулся:

- Приходил в ночь кто-то; когда мамка родила. Стояла у двери кривая, горбатая. А на утро худо мамке стало.

Повернулась ведьма к зыбке. Не людской младенец там лежал. Игоша. Подменила кикимора людское дитя на своё, а для верности морок наложила, чтобы не догадался никто из домочадцев. Тянула нечисть жизнь матери под видом молока. Не угомонится она, пока не изведёт мать с сыновьями, а после примется за соседей.

Завопил противным голосом игоша. Закачалась зыбка, словно раскачивала её рука невидимая.

Отбежал к печи Желан, прижался к её боку.

- Никак бес в него вселился, - испуганно прошептал Ждан, отступая назад.

- В ту ночь кикимора к вам приходила, дитя подменила. Вашего себе забрала, своего вам отдала. Тянет он из мамки вашей жизнь, а как выпьет её досуха — за вас примется, - молвила ведьма.

Побелели чумазые лица. Спрятался Желан за спину старшего брата, вцепился руками в его рубаху.

- Помоги, ведьма, - бухнулся на колени Ждан и Желан следом. Стукнулись братья лбами о половицу да принялись биться о пол, прося защитить их от беды неминучей.

- Принесите мешок целый да верёвку крепкую, - сказала ведьма.

Ударились братья разок напоследок, вскочили на ноги да

разбежались кто куда. Метнулся Ждан к сундуку, что у стены стоял, откинул кованую крышку и вытащил холщовый мешок; порывшись в углу за печью, отыскал Желан моток верёвки крепкой.

Лежало вскоре пред ведьмой требуемое.

- Что делать будем? - нетерпеливо спросил Ждан, теребя край рубахи.

- Отнесу кикиморе дитя её и верну вашего брата.

- Можно с тобой? - спросил Ждан.

- И мне? - пискнул Желал.

- А о мамке хворой кто заботиться будет? - нахмурилась ведьма. - Дам вам свечу заговорённую и питьё. Свечу жечь станете, покуда один огарок не останется, а питьё дадите, когда мамка глаза откроет и пить попросит. Пока я не вернусь — ни шагу из избы, ни слова единого чужим.

Молвила это ведьма, подобрала мешок с верёвкой и пошла к раскачивающейсязыбке. Остановила она зыбку — замерла та, будто и не качалась вовсе. Схватила ведьма ловко игошу, шепнула короткое слово, и сунула нечисть в мешок.

Крепко стянула верёвка горловину. Подобно поросёнку, завизжал игоша, да так пронзительно, что звякнула посуда на полке. Крепко держали узлы — не вырваться, не ускользнуть.

Раскрыла ведьма сумку, что всегда с собой носила, вынула свечу восковую, жёлтую с травами да склянку в питьём, сургучом запечатанную. Дала она указания братьям, вышла

за порог и направилась в сторону болот.

- Думаешь, поможет она мамке? Вернёт брата? - тихо спросил Желан.

- Обещала.

Глава 3

Белой гладью лежал туман над болотом, стелился саваном из пряжи лунной неосязаемой. То тут, то там проглядывали сквозь прорехи тонкие деревья, тянули вверх ветви-руки, узловатые корявые. Мерещились в тумане тени — то ли тропки, то ли топи; манили путника, сулили дорогу краткую, а вели в трясину гиблую.

Не отпускало болото прохожих. Заманивало вглубь редкими травами да яркими ягодами. Морочило голову тропой ровной, что обрывалась вдруг у края чёрного бочага. Топило в трясине, затягивало медленно да неумолимо, хватало за ноги цепкими пальцами. Плодило нежить с нечистью, что сбивают с пути верного да шепчут в уши советы лживые.

Ширилось болото, захватывало луга заливные, где паслись прежде коровы да косили сено душистое, и некогда солнечные опушки, где плели девки венки да песни пели. Были теперь там лишь осока да камыш, шелестели зловеще, а в камышах слышался смех не людской.

Радовались хозяин с хозяйкой болота. Горевали люди простые, страшились ходить бить уток и другую перелётную птицу, что прежде в изобилии водилась на заводях. Не отпускали детишек по ягоды. А иной раз в сырую погоду, когда туман полз по земле, запирались в избах и носу на улицу не казывали.

Бессильны были жрецы. Бездельничали светлые боги — не слышали они людей, не видели их слёз.

Стояла ведьма на краю топи, смотрела на бледные болотные огоньки. Мерцали они, плясали над трясиной, маня неосторожного путника. Зашевелился мешок с игошей. Почуяла нечисть места родные, удрать хотела, да преградила ногой ведьма путь. Пронзительно завизжал игоша.

Потухли огоньки, будто кто задул их вздохом единым. Взвалила ведьма мешок за спину и по едва заметной тропинке пошла вглубь. Вилась та тропинка меж кочек, змеилась меж коряг, укрытых мхом да тиной. То и дело проваливались в топь ноги, запачкался и отсырел подол сарафана. Не сходила ведьма с тропинки ибо знала, что затянет иначе трясина, уволочёт на дно.

В бочаге рядом надулся и с хлюпанием лопнул большой пузырь, окатил ноги зловонной жижей. Заворочался, закричал игоша.

Далеко была середина болота, где устроили себе гнездо болотник с болотницей. Но изобиловала топь и сухими островками, где обосновались прислужники хозяина болота.

Ещё девчонкой приводила её на болото прежняя ведьма. Показывала да рассказывала, как найти тропу верную по приметам; учила, какую траву да ягоду собирать, а какую стороной обходить. Не раз и не два ходили они на болото в разные поры. Весной, когда вода высоко стояла и тянулись по топи первые ручейки; летом, когда стрекозы висели над

водой, как живые самоцветы; осенью, когда туман стелился над водой, а листья лежали на земле, точно золотые монеты; зимой, когда застывало болото, погружалось в сон, но всё равно дышало, шевелилось, ждало.

А потом устроила старая ведьма испытание своей ученице. Завязала глаза да завела в самую глубь. Только к вечеру вернулаь домой девчонка — грязная мокрая, с растрёпанными волосами, облепленными ряской, но живая и выучившая новый урок.

После этого часто ходила молодая ведьма одна на болото, собирала ягоды с травами, любовалась бледными огоньками, наблюдала за жившими в стоячей воде тварями.

Отливалось болото в лучах, катящегося к земле, солнца медью и золотом; клубился туман, точно пар над чугунком.

Дошла ведьма до сухой кочки, скинула ставший тяжёлым мешок. Как понять, нужная ли это кочка?

Огляделась ведьма, распустила верёвку, что стягивала горловину мешка — показалась безобразная голова игоши. Попробовала было нечисть выбраться на кочку, да не дала ему ведьма, ловко стянула верёвку у самой шеи, шепча слова древние. Заорал визгливо игоша.

Села ведьма рядышком на кочку и стала ждать прихода кикиморы. Долго ждала. Укрыл уж туман белым одеялом болото, скрыл дальние кочки и тропы. Забиралась сырость под намокший подол сарафана, холодила ноги. Висели отсыревшие лапти на узловатой ветке старой ивы. Крепко завязан-

ный мешок с игошей — на другой, покачивался, будто хотел сорваться и укатиться в трясину.

Налетел ветер, всколыхнул доселе неподвижный воздух. Затрещала, заскрипела старая ива, роняя сухие листья. Шумно заплескались мелкие болотные твари, окружили со всех сторон кочку болотные огоньки.

Сам хозяин болота в жабьем облике выбрался из гнилой воды на прохладный воздух. Вылез медленно, с хлюпаньем.

- Уговор у нас с тобой, ведьма, - прохрипел болотник. - Моих прислужников и всякую тварь болотную не обижать. Али забыла?

- Али забыла? - повторила за болотником ведьма, поднимаясь и глядя в глаза жабьи. - Коли не в силах ты уследить за деяниями своих прислужников, то осушай болото и возвращай людям земли. А то развелось всякой пакости без счёту.

- Не наговаривай, ведьма. Мои прислужники тихие да смирные. Без нужды из болота шагу не ступят.

- Что за нужда приключилась у кикиморы, коли она своё дитя обменяла на людское? - вопросила ведьма да указала на мешок.

- Давно за нами такого не водится. Мои кикиморы смирные и послушные. Почём зря людей не изводят, - забормотал болотник, отводя взгляд.

- Не кикиморы, то ты лапу свою приложил. Хочешь расширить свои владения на сухой земле? Выдворить домовых и людьми командовать. Недавно родившей бабе с детьми ма-

лыми игошу подкинули. Кто повинен?

Замолчал болотник. Раскричался игоша, задёргался, раскачивая мешок так, что верёвки затрещали. Треснула сухая ветка, упал мешок и покатился к трясине. Налетел на болотника и остановился. Принялся хозяин болота развязывать крепко стянутую горловину, да не в силах были совладать с узлами жабьи лапы.

Взмахнула ведьма рукой перед мешком, заскулил игоша да затих.

Раздулся, гневно забулькал болотник, выпучил клаза. Вскипела вода в бочаге неподалёку, забурлила, выбрасывая пузыри. Испуганно замигали болотные огоньки, сбились в кучу, а потом разом погасли.

Блеснуло лезвие ножа в руке ведьмы.

В мгновение ока надулась жаба да заняла всю кочку. Выпучились сильней глаза её, разинулась зубастая пасть, полная острых, как иглы, зубов.

Шагнула осторожно назад ведьма, схватилась свободной рукой за корявую иву, что склонялась над кочкой, точно стражница.

Занёс болотник перепончатую лапищу, опустил её резко — так, что воздух загудел, а мох под лапой примялся.

- Раздавлю, и места мокрого не останется, - проревел он. Эхом в тумане отозвался его голос.

Быстра была молодая ведьма: ловко увернулась она от тяжёлой лапы, пускай и пришлось залезть в воду по колено. За-

шевелилась под ногами вязкая тина, норовя утянуть глубже. Стояла теперь ведьма сбоку от болотника, у самой кочки.

Хотел было болотник повернуть голову, да не смог в жабьем облике. Покосился он на ведьму жёлтыми водянистыми глазами да стал неуклюже разворачиваться на кочке, шаркая перепончатыми лапами и вздымая клубы тумана.

Присматривалась ведьма, не шевелясь. Неподвижным столбом стояла — незримая для жабьего взгляда.

- Не сбежать тебе с моего болота. Везде отыщу! - пророкотал болотник, раздуваясь сильнее, так что кожа на боках затрещала.

Взмахнула ведьма рукой. Окрасилось лезвие кровью, капнула первая капля на мох. Заревела жаба, судорожно забила лапами, взметая вверх мох да ошмётки травы, навалилась неповоротливым телом на сухое дерево и мешок. С громким плеском бухнулась в воду.

Пошли пузыри по воде. С трудом выбрался на кочку болотник в истинном своём обличье: безобразно толстого мужика с рыбьей чешуёй на животе. Зеленью отливалась его кожа, тина свисала вместо волос.

- Вон пузо какое отъел, а прикидываешься бедным да беспомощным, - выставила ведьма вперёд нож.

- Не тебе судить о делах моих и угодьях, - оскалился болотник, обнажая гнилые пеньки вместо зубов. - Как жилось хорошо некогда: кто забрёл на болото, тот моим слугой стал или на корм тварям пошёл. Ширилось болото, процветало

Да только вы, ведьмы, портите всё.

Встал на ноги хозяин болота, раскинул в стороны огромные руки, пробулькал что-то и потянулись вперёд сотканные из тумана руки.

- Не отпущу тебя, ведьма, в болоте своём утоплю, - прошипел он.

Взмахнула ведьма ножом, разрезала надвигавшиеся на неё руки, лопнули те с тихим хломком да разлетелись клочьями тумана. Не отступал болотник, творил своё колдовство не переставая.

Собралась с силами ведьма, ткнула кончиком ножа в рыбью чешую на животе болотника.

Замер хозяин болота, безвольно опустились его руки, потускнели глаза. Задрожала чешуя на животе, будто вот-вот отвалится.

- Позабавился и хватил. Сотворишь что-либо сам или при помощи прислужников своих — в миг останется болото без хозяина. Говори, для чего понадобилось дитя людское.

- Не твоего ума дело - зашипел болотник, когда упали на мох чешуйки.

- Хитрить станешь, очищу тебя от чешуи и пущу обратно в болото; посмотрим, как без колдовства хозяйничать станешь.

Кружась, опустились на кочку две чешуйки.

- Не тронь! Всё скажу, только не тронь меня! - взмолился болотник, съёживаясь и втягивая голову в плечи. - Кощей

Бессмертный приказал.

- Лжешь.

- Не сам пришёл, приспешника своего отправил. Передал, чтобы к новой луне отдал ему всех младенцев, что родятся в деревнях вокруг болота. Одна баба только и разродилась

- Куда младенца дел?

- В гнезде моём, жена за ним смотрит.

- Веди к гнезду. Попробуешь бросить меня и натравишь кого — отправишься в ближайший бочаг, и пусть тебя там пиявки объедают, - ведьма подняла мешок. Выпал из него трухлявый пень с копошившимися червями. Столкнула его ведьма в затхлую воду, вытрясла мешок и запихнула в свою сумку.

Вздохнул болотник, понурил голову и побрёл вперёд, указывая путь.

Глава 4

Понуро брёл впереди ведьмы болотник. Где это видано, чтобы сам хозяин болота уступил людям? Девке, пускай и ведьме! Закипала в груди его обида, кружились в голове мысли: «На смех подымет прочая нечисть, когда прознают; перестанут слушаться прислушники и прочие болотные гады. Кикиморы разнесут молву по болоту — от края до края».

Шёл болотник, громко шлёпая по грязи спутанными ногами. Хлюпала вода, чавкала тина под босыми ступнями. Держала ведьма в руке конец верёвки, и вела его, как поросёнка на заклание.

Каждую весну пред началом работ жертвовали деревенские богам светлым самую откормленную свинью. Чтобы урожай был щедрым, чтобы скот не болел, чтобы стояли избы крепко. Самой удачной считалась семья, на чьего поросёнка падал выбор: молвили, что обойдут хвори избу ту, а в амбаре не переведётся зерно.

Вздохнул громко болотник, жалея себя и ропщя на судьбу, которой должен был покориться. Так исполнился он этой мысли, что не заметил, как отрастил себе свиной пятачок. На иное сил колдовских не хватило. Сотворила что-то с ним ведьма.

«Ох, увидит меня болотница, - думал болотник с тоской, - заохает, крик подымет такой, что переполошит всех на боло-

те. Сбегутся посмотреть любопытные да смелые. Разнесётся весть о позоре, достигнет болот иных — и пойдёт дурная слава».

Вспоминал он, как вчера ещё сидел на троне из коряг, принимал дары от мелкой нечисти и гадов, а теперь — идёт, понурив голову, верёвкой обмотанный, с пятачком свиным.

Покосился болотник назад.

- Не хитри, - молвила ведьма. Вздохнул хозяин болота.

Тускло освещали болотные огоньки зыбкую тропку — мерцали, то вспыхивая бледным светом, то затухая, точно дышали. Слышался по сторонам шорох камышей да кваканье лягушек; плескалась вода у ног босых, будто кто плыл тяжёлый подле. Жило болото, дышало густыми испарениями, что поднимались от воды и перемешивались с туманом.

Травой редкой сменился мох по краям тропинки, а после — осокой да камышами высокими с пушистыми метёлками, что шелестели, точно переговаривались между собой. Мелькали между стеблей тёмные воды бочагов, укрытые ряской. Близко, должно быть, был остров болотника с болотницей.

Не доводилось ведьме заходить столь далеко в топи — обширны были угодья хозяев болота, извилисты да обманчивы тропинки, что петляли между кочками. Молвили люди: «Кто в сердце болота зайдёт, тот не вернётся — закружит оно мороком, затянет в трясину, утянет нечисть в тину». Вёл припугнутый болотник дорогой короткой, знал он тропы тайные, что лишь хозяину ведомы. Где кочка крепка, где мох

плотнее, где ступить без опаски можно было.

Шла ведьма следом, крепко держала верёвку, внимательно смотрела по сторонам, запоминая путь краткий да примечала места, чтобы вернуться обратно без беды.

Цвёл на кочках багульник, кружилась голова от его запаха, слышался в ушах шёпот неразборчивый. Опасались его деревенские: учуешь запах багульника, закружится голова, а ноги сами поведут в трясину, скрытую под мороком тропы прямой да твёрдой иль поляны ягод сладких. Молва ходила, что сам болотник насадил багульник в своих владениях, чтобы ловить путников.

Шлёпал впереди болотник, опустив голову, и изредка вздыхал так тяжко, что туман вокруг вздрагивал.

Показалась из тумана кикимора. Зеленоволосая, сгорбленная, с длинными руками, что доставали до земли, с пальцами, что походили на птичьи когти. Клочьями свисали волосы её, сплетённые с оской да тиной, сверкнули в свете болотных огоньков жёлтые глаза. Увидала она болотника и ведьму, зашипела недовольно, тут же спряталась в камышовых зарослях.

Раздался рядом крик выпи. Вздрогнула ведьма.

Остановился болотник, молвил хрипло:

- Близко уже.

Зашуршали камыши. Почувствовала ведьма на себе взгляд кикиморы. Холодный липкий, будто тина.

- Веди, - молвила твёрдо ведьма, - да не запугивай.

Горестно вздохнул болотник, втянул голову в плечи и, шаркая ногами, побрёл вперёд. Шла ведьма за ним, внимательно глядя под ноги.

Суше стала тропа. Рассеялся туман. Погасли болотные огоньки.

Огляделась ведьма, увидела дорожку, выложенную плоскими камнями, поросшими седым мхом. Вела она к острову хозяев болота.

Ступили они вскоре на твёрдую землю. Зашуршали под ногами сухие листья, захрустели мелкие ветки. Осталась позади трясина.

Густо порос остров кустами да берёзами. Изгибались берёзки, словно в пляске, сплетались над головой ветки. Виднелись между ними заросли шиповника с крупными ягодами, пробивались под ногами пучки серебристой травы. Пахло в воздухе древесной корой и сухими листьями.

Остановился болотник.

- Вот он, остров мой, - молвил он.

- Явился, пень замшелый, - вышла из разлапистых кустов прямая худая, как палка, хозяйка болота. Заплетены были волосы её в длинную косу, перевитую ряской, висели на шее бусы из костей лягушачьих.

- Где младенец людской? - спросила ведьма. Заволокла тьма глаза её синие.

Испуганно попятилась болотница, зашуршала подолом рубахи, сотканной из осоки и тины.

- Туточки. Туточки он, я мигом, - пролепетала она и скрылась из виду в густых зарослях. Затрещали ветки, зашуршали листья.

Переступил с ноги на ногу хозяин болота, почесал свиной пятачок.

Затрещали кусты, вышла болотница с ивовым лукошком в сухих руках. Спал в лукошке младенец людской.

- Цел да невридим, - запричитала хозяйка болота, ставя лукошко на землю, покрытую ковром из серебристого мха. - Кормила недавно.

Прищурилась ведьма, посмотрела внимательно на болотницу.

- Не волчьими ягодами?

- Что ты, что ты, - замахала руками болотница. - Молоком из деревни. Кикиморы приносили.

Пристально посмотрела ведьма на спящего младенца, не заметила морока.

- Отпусти мужа моего, не губи нас, - взмолилась болотница, задрожал её голос.

- Не губи, - вторил ей болотник, опустив голову так низко, что почти коснулся земли свиной пятачок. Мы — нечисть простая тихая. Зла не причиняем; в болоте своём сидим, за порядком глядим.

Развязала ведьма верёвку, без лишних слов отпустила болотника. Кинулась к мужу болотница, обхватила руками корявыми, прижалась к плечу, покрытому тиной.

- Ты не серчай на мужа моего, - зашептала болотница, дрожал её голос, как лист на ветру. - Запугал его прислужник Кощея Бессмертного. Явился на болото в облике чёрном, с глазами, как уголья, посулил гибель скорую, коли не исполним волю его. Приказал к новой луне найти младенцев людских

Поскрёб болотник макушку, молвил хрипло:

- Мы и рады были отказать, да сила тёмная в его словах была.

- Близка погибель наша, - заголосила болотница. - Помоги нам, ведьмушка. Не забудем, отблагодарим тебя травами целебными да ягодами сладкими.

- Помоги.

Упали в ноги к ведьме болотник с болотницей.

- Приду в новую луну, посмотрю на прислужника Кощеева, - молвила ведьма, взяла лукошко и пошла в сторону деревни.

Остались стоять на краю острова болотник с болотницей.

Светла и тиха была летняя ночь. На самую малость не докатилось солнце до земли, передумало и покатилось обратно ввысь, окрасив небо медью да золотом.

Первым делом проверила ведьма хворую мать в закутке. Спала та сном глубоким. Порозовели бледные щёки, застыла на губах улыбка.

Стоял на перевётнутом ведре свечной огарок, собрался

вокруг него застывшей лужицей воск. Валялась под лавкой склянка из-под питья.

Чутко спали на полатьях мальчишки, услышали шум отворяемой двери и мигом соскочили на пол. Завидев лукошко с братом, хотели бы радостно закричать, да спохватились.

Переложила ведьма младенца в зыбку, покачала тихонько.

- Всё делали, как сказано было, - на правах старшего молвил Ждан. - От свечи огарок остался, а питьё мамке дали, когда глаза она открыла и пить запросила.

- Выпила и спать легла, - радостно поддакнул Желан.

Кивнула ведьма, пообещала ещё зайти. Забрались на полати мальчишки и уснули спокойные.

Вышла ведьма из избы, притворила осторожно скрипучую дверь и пошла к своей избушке на краю деревни.

Глава 5

- Погляди, Моря, с кем пришла я к тебе. Отвлекись от дел своих, - молвила повитуха, переступая порог избы. Бережно держала она в руках свёрток, укутанный в льняное полотно с вышивкой знаков обережных.

Подняла голову Моря от стола, заваленного пучками трав, пронзительным взглядом, острым, как серп, оглядела сестру со свёртком в руках.

- Разродилась, стало быть, княгиня, - сухим голосом молвила она.

- Разродилась. Девочкой, да не простой, - ответила Яра, осторожно разворачивая край полотна. - На воспитание принесла тебе. Тебе одной под силу вырастить её.

Положила Моря пучок зверобоя на стол, подошла к сестре да склонилась над спелёнутым младенцем.

- Верно говоришь, непростая: отметили её силы, - тихо молвила Моря, вглядываясь в глаза и личико младенка. - Знать бы: даром иль проклятьем.

- В плохих руках и дар проклятьем станет. На тебя надежда одна. Знаешь ты заговоры да травы; научишь её отличать добро от зла, правду от морока, силу светлую от тёмной.

- Стара я для детей. Устала от суеты людской, - покачала головой Моря. - На покой бы.

- Рано старишься, Моря. Чуть больше сорока зим живёшь,

а уж на погост просишься. Станешь этому дитяти заместо матери, вырастишь, поведаешь, что знаешь, а там и на погост иди. Может, сами боги светлые послали тебе девочку.

- Скорее уж ты. Сама бы и взяла себе её в ученицы, - молвила Моря, задумчиво разглядывая младенца.

- Нет, - покачала головой Яра. - Почитай, не бывает меня в избе — всё в дороге да на родах. Ещё в детстве главный жрец сказал, что быть мне в избах чужих, с чужими младенцами на руках. Смиренно иду я этой дорогой и не прошу иного. Твоя судьба иная. В тебе знание трав да заговоров. Сила ведьминская. Кому, как не тебе, вырастить девочку.

Промолчала Моря, задумчиво провела рукой по краю стола.

- Любишь ты болтать попусту, - вздохнула она. - Имя какое дадим?

- Синеокой назовём, - ответила Яра. - В честь одной из богов светлых. Княжеская дочь она, и имя не простое надобно.

Кивнула Моря, бережно приняла свёрток из рук сестриных.

Птицей быстрой пролетели зимы и лета. Катилось солнце, сменялись жаркие летние дни студёными зимними ночами. *(Подробнее о смене для и ночи, зимы и лета — в книге Сказание о быте Кощеевом)*

Летом, когда катилось солнце по небу, а воздух наполнялся ароматами разнотравья, перебирала Синеока пахучие

связки трав для просушки, любовалась лесными да полевыми цветами.

Зимой, когда укатывалось за горизонт солнце, когда заметали вьюги тропы, сидела Синеока у тёплой печи подле Мори, с жадностью слушала сказки о временах дано прошедших, о колдунах, о битвах великих.

Бродила Моря с Синеокой вдали от деревни, в лесу тёмном, в поле да на болоте, учила терпеливо премудрости дела знахарского да знаниям тайным.

Быстро училась Синеока. Смотрела на неё Моря с гордостью и тревогой. Понимала, что ждут впереди дочь её названную испытания, что проверят те её силу, мудрость и знания.

Одной студёной зимой, когда трещали от мороза деревья, пришли в их деревню волки. Большая стая с косматым вожаком во главе. Шёл впереди вожак, высоко подняв голову, тянулась за ним стая.

Попрятались по домам люди, боязно стало на улицу выйти.

Принялись волки курей таскать да скотину резать. Притихли собаки, прижались к тёплым стенам изб, поджав хвосты.

Загнали волки в угол бабу, что к Море шла. Выскочили волки из-за сарая, окружили, оскалились. Живой стеной встали, зарычали. Прижалась баба к забору, осела на снег и стала ждать смерти жуткой, одними губами шепча мольбы к богам светлым. Дрожала она, катились слёзы по щекам да

замерзали на ветру стылом.

Неведомая сила заставила Синеоку в одном сарафане выйти на крыльцо. Встретились яркие синие глаза с янтарными. В зловещем оскале исказилась волчья морда, блестели клыки в свете бледной луны. Серебром искрилась густая шерсть, будто сотканная из лунных нитей и зимнего тумана. Не простые то были волки да не здешние. Наслал кто-то отравленную мороком и тёмными силами стаю на деревню.

Зорко присмотрелась Синеока к вожаку. Увидала тонкие нити колдовства, паутиной опутывающие зверя. Показалось ей, что сможет разорвать их. Почернела синева глаз, словно туча заволокла небо ясное. Протянула вперёд руку Синеока, широким взмахом, точно серпом острым, перерезала нити колдовские. Погасила она огонь жизни свирепого зверя.

Упал замертво вожак, глухо ударившись о замёрзшую землю. Заозирались волки, затрясли головами, поджали хвосты да бросились врассыпную.

Тихо выла спасённая баба; дрожала она, прижавшись к забору.

Покачнулась Синеока, едва устояла на ногах. Ясно видела она пламя жизни, прижавшейся к забору бабы. Видела нити колдовские, пронзавшие двор: одни тонкие светлые, словно паутинка на солнце ярком, другие — точно пряжа колючая. Тянулись они от вожака к лесу тёмному, где таился тот, кто наслал стаю.

Не отпускало видение. Поднесла Синеока руки к лицу. И

не выбеги на крыльцо Моря в тот миг, не схвати за плечи, не окликни голосом громким, выдавила бы глаза себе молодая ведьма.

Три дня бушевала метель, заметая деревню снегом по самые окна. Три дня металась в бреду молодая ведьма на широкой лавке у печи. Жгла Синеоку лихорадка; шептала ведьма слова неразборчивые, взмахивала руками, будто разрывала нити невидимые.

Ни на шаг не отходила Моря.

На четвёртый день, когда утихла метель, замотала Моря Синеоке глаза лентой заговорённой.

Утихла метель, успокоилась молодая ведьма.

Случилось однажды Море отлучиться из избы ненадолго. Лёгким сном спала Синеока, и почудилось ей, как кто-то крадучись зашёл визбу, словно тень скользнула, не касаясь пола.

Холодом сковало тело, сдавила грудь чья-то воля. Проснулась Синеока, недвижимая лежала, ожидая что дальше будет.

Склонился чужак к молодой ведьме, прислушался к дыханию. Протянул руки, обтянутые серой кожей да сомкнул их на горле. Словно пламя вспыхнуло внутри Синеоки, разорвало путы заклятья, сожгло чужую волю.

Вывернулась Синеока из хватки, спрыгнула на пол, точно кошка, приземлившись бесшумно. Повернула голову в сторону и увидела внутренним взором колдовство тёмное. Зна-

комыми показались ей нити колдовства — такие же видела она на волчьей стае.

Попятилась назад Синеока, упёрлась в стол деревянный, на котором Моря травы перебирала. Забыла ведьма убрать нож, которым стебли трав обрезала; нащупала рукой его Синеока.

Крепко сжалась девичья рука на рукояти.

Неспешно, словно потешаясь, приближался чужак. Плавным был его шаг, бесшумным. Не шёл он, а скользил по полу.

Выставила перед собой нож Синеока, взмахнула, пытаясь перерезать колдовские нити. Дрогнула рука. Чуть пошатнулся чужак. Бросился он вперёд, пытаясь схватить молодую ведьму. Увернулась Синеока. Налетел колдун на стол, перевернул его с грохотом. Устлали пол сухие травы.

- Не место тебе более среди живых, ведьма, - подобно волку прорычал колдун.

- Ты наслал стаю на деревню?

Не ответил колдун, застыл на месте. Задрожал воздух вокруг него, наполнился шорохами. Поднимались с пола тени, обретали облик волчий. Загорелись глаза их огнём жёлтым, оскалились пасти, обнажая клыки острые.

Сорвала с головы повязку Синеока. Широко распахнула почерневшие глаза, ясно увидела нити, пронзавшие тело колдуна да связывавшие его с тенями. Должна быть ниточка, связывавшая его с миром живых. Взмахнула Синеока рукой с зажатым в ней ножом.

Зарычал волк, хотел было кинуться вперёд, да упал на пол и рассеялся словно дым. Замертво упал колдун в душистые травы.

Выпал нож из ослабевшей руки, осела на пол Синеока.

Вернулась в избу Моря, бросила быстрый взгляд на колдуна, на рассыпанные по полу лечебные травы. Кинулсь поднимать с холодного пола приёмную дочь. Обняла крепко, прижала к груди.

Не знавала Моря прежде такой силы ведьминой. Не отчаялась она, не пала духом. Вспомнила про книги старые, что от прежней ведьмы остались. Много знаний хранили те книги.

Спокойно прошёл остаток зимы. Медленно таял снег, обнажая чёрную землю, на которой пробивались первые ростки. Готовились деревенские к весенним работам.

С первыми тёплыми лучами появились у Мори мысли о покое. Пожила она свой срок, дочь приёмную вырастила, ведьму новую воспитала. Пора и оставить мир, уйти на покой и уснуть сном беспробудным. А коли смилостивятся светлые боги, то и пожить жизнь новую. Поведала она думы свои Синеоке. С пониманием выслушала её молодая ведьма, ибо видела гаснущее пламя жизни приёмной матери.

Той же ночью погас огонь жизни Мори. Совершила Синеока положенные обряды да заняла место деревенской знахарки и ведьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.